

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА ТИПЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)*

LINGUOAXIOLOGICAL VIEW ON THE TYPES OF SPEECH ACTS
(ON THE BASIS OF ORAL COLLOQUIAL SPEECH)

ЮЛИЯ ПИКУЛЕВА

ABSTRACT. The report is devoted to the linguoaxiological description of types of speech acts. The author comes to the conclusion that direct and indirect linguistic signals of verbalization of perceptions of values and attitudes can be allocated among the types of speech acts. Such speech acts as representatives, commissives, directives, declaratives can transfer value meanings with varying degrees of certainty. The materials are a corpus of conversations of citizens of the Urals – vernacular speakers. It is possible to identify some of the core national and regional values based on the analysis of the material.

Keywords: linguoaxiology, speech acts, colloquial speaking culture, values

Юлия Пикулева, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург – Россия, pik@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-1948-3594

Устная разговорная речь во второй половине XX – начале XIX века в советской и российской лингвистике становится одним из значимых объектов исследования. Такие ученые, как Елена Андреевна Земская, Маргарита Васильевна Китайгородская, Евгений Николаевич Ширяев, Ольга Алексеевна Лаптева, Ольга Борисовна Сиротинина, Наталья Юрьевна Шведова, заложили основы интерпретации феномена разговорной речи. Примечательно то, что уже на начальном этапе работы внимание ученых было сосредоточено на изучении не только формальных и стилистических аспектов неофициального устного общения. Прежде всего при описании живой речи они опирались на коммуникативный и речевжанровый подходы, основанием для которых является установка на изучение разговорной речи „на фоне целостного коммуникативного акта” [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 10].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 А „Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)”.

В исследованиях, проводимых научной группой „Лаборатория коммуникативной филологии“, которая функционирует в Уральском федеральном университете с 2014 года, было предложено использовать лингвоаксиологический подход к интерпретации речевого материала. В рамках этого подхода ученые исследуют отражение в текстах разговорной речи базовых национальных ценностей, ценностных ориентаций. „Живая речь несет в себе определенный культурный код нации, в бытовой речи реализуется свойственная ей система духовных ценностей, принципы и нормы общения, правила и стереотипы речевого пользования“ [Вепова 2015: 26]. Изучение модального содержания высказываний носителей русского языка позволяет выявить ценностные ориентации и установки представителей определенных социальных групп российского общества. Ценности в рамках этого подхода осознаются как

обобщенные представления о том, что является должным, правильным, социально и лично желанным в различных сферах общественной жизни, устойчивые убеждения, которыми руководствуется человек или социальная группа, предпочитая тот, а не иной тип поведения [Вепова 2015: 4].

Определив для себя ценностный угол научного зрения, исследователи УрФУ столкнулись с методическими трудностями: технологические основы лингвоаксиологического анализа требовали более конкретного описания. Были предложены несколько алгоритмов действия человека, комментирующего ценностное содержание разговорного материала, к примеру: выделение базовых (прямых) и дополнительных (косвенных) языковых сигналов вербализации ценностных смыслов [Шалина, Пикулева 2016: 121–132], исследование ценностного содержания речевых поступков на базе первичных речевых жанров и коммуникативно-речевых тактик [Матвеева 2017: 28–29]. Представляется, что лингвоаксиологический взгляд на типы речевых актов также может помочь сформировать более прочную методическую базу в данном направлении исследований.

Материалом данного исследования послужил корпус диалогических текстов, собранных методом включенного наблюдения, опубликованных в специальных изданиях [см. Шалина 2011; Вепова 2015] или находящихся в личном архиве. Коммуниканты – горожане-уральцы, прежде всего представители рабочих профессий, носители городского просторечия разного возраста и пола. Из собранного материала вычленялись показательные фрагменты, демонстрирующие те или иные типы речевых актов, интерпретировалась формальная выраженность ценностного содержания и потенциал использования подобной процедуры для автоматизации лингвоаксиологического анализа.

Для ценностной интерпретации была выбрана типология речевых актов, предложенная Джоном Серлем, в соответствии с которой выделяются высказывания репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы [Серль 1986: 170–194]. В основе данной классификации лежат параметры иллюкутивной цели и выраженного психологического состояния, что позволяет говорить о возможности выявления с помощью подобных высказываний определенных ценностных установок говорящего.

По нашему мнению, наиболее прямо коммуниканты реализуют аксиологические смыслы с помощью таких речевых актов, как директивы, комиссивы и экспрессивы.

Директивы и комиссивы создаются в опоре на высказывания с ярко выраженным модальным значением долженствования или желательности. Семантика долженствования непосредственно связана с этической категорией долга, которая получает в живом общении ценностное осмысление.

Она предполагает обязательность, жизненную необходимость совершения некоторых действий, поскольку они продиктованы прежде всего определенным канонам поведения, принятым в обществе, реже – собственными, индивидуальными ценностными установками [Пикулева 2017: 35].

Таким образом, директивы способны указать слушателю на ценности и антиценности говорящего. В основе понимания семантики желательности лежит представление об идеале как эмоционально и когнитивно значимом для коммуниканта образце. Этот образец может быть реализован в виде указания на желаемое поведение, желаемые обстоятельства того или иного дела. Подобные высказывания реализуют как эмоциональную реакцию говорящего, оценочно-характеризующие смыслы, так и особые волевые установки.

Экспрессивы – это речевые акты, „реализующие интенцию выражения психологического состояния и оказания эмоционального воздействия на адресата” [Трофимова 2008: 6]. Выражая положительные или негативные чувства, говорящий в рамках речевого акта похвалы, порицания, пожелания, поздравления, извинения и др. обычно указывает на то, что для него значимо, что входит в круг его предпочтений или что вызывает негативное отношение. И это снова приводит нас к идее ценностного отношения, аксиологического описания разговорной речи.

Репрезентативы, представляющие собой информативные речевые акты, также способны, как нам кажется, реализовывать ценностные смыслы, однако в данном случае они представлены имплицитно и долж-

ны быть выведены исследователями на основе ситуативной, контекстуальной, фоновой информации.

Декларативы как тип речевого акта не так часто реализуются в живой разговорной речи, поскольку связаны больше с официальным типом общения (напомним, что они произносятся, например, при назначении и снятии с должности, объявлении чего-либо, оглашении принятого решения), поэтому в зону нашего описания они, как правило, не попадают.

Рассмотрим на конкретных примерах реализацию лингвоаксиологического анализа разных типов речевого акта. Нами подобраны разговорные тексты, которые репрезентируют ценностное отношение представителей рабочего класса к образованию.

Вот показательный пример диалога в микроколлективе слесарей-наладчиков цеха одного из уральских заводов. В перерыве между работой в подсобном помещении они обсуждают то, что для них значимо в данный момент.

- М.: Александр Михайлович? А это правда / что у Кочкина [член бригады] восемь классов образования?
 А.М.: Не спрашивал / по-моему / восемь //
 М.: Ладно хоть ранения в голову там нет //
 В.: Мы ездили с ним разговаривали // Я грю (говорю) / «Ты давай / учись» //
 М.: Ну а он чё (что)?
 В.: «Куда / grit (говорит) / я с восьмью-то классами?»
 М.: А как в наше время восемь классов? У кого блин? Он чё (что) / даже в фазанку [ФЗУ - школа фабрично-заводского ученичества - Ю.П.] не ходил?
 В.: Нет //
 М.: Чё (что) / сразу работать пошел? Я у него военный посмотрел / восемь классов // Юрик такой прибегает / „Чё (что) / у него восемь классов / образование-то?“
 В.: Но-о //
 М.: Ты-то / Валера / у нас чему научился в этой жизни? У тя-то (тебя-то) чё (что)? / Восемь классов или больше? Или девять?/
 В.: У меня одиннадцать!
 М.: Одиннадцать?! А-а / ну у вас тогда (Нрзб.) была / новая система //
 М.: В ПТУ в смысле?
 В.: Ну / и мы параллельно сразу учились в училище и в вечерней //
 М.: А-а / молодцы какие // [Вепрева 2015: 31].

Представленный диалог демонстрирует, что современный рабочий относится к образованию как к ценности. Формируется ценностная установка: „Современный рабочий должен быть образованным. Следует повышать свою квалификацию, стремиться к знаниям, профессиональному росту“ [Вепрева 2015: 31].

Прямым средством вербализации ценностной установки становится высказывание директивного характера „Ты давай / учись“, адресованное одному из рабочих, о котором идет речь в диалоге. Экспрессив-похвала *молодцы какие* в адрес тех, кто параллельно получал два образования (среднее в вечерней школе и среднее-специальное в училище), сигнализирует об одобрении подобного типа социального поведения, о признании его правильным. Как экспрессив-порицание можно интерпретировать ряд риторических вопросов: „А как в наше время восемь классов? У кого блин? Он чё / даже в фазанку не ходил?“ – указывающий на то, что современному человеку, даже представителю рабочего класса, недостаточно иметь неполное среднее образование.

Показательно, что репрезентативы в этом тексте также позволяют выявить ценностные установки. Высказывание „Мы ездили с ним разговаривали“, констатирующее свершившееся событие, не содержит никаких прямых сигналов оценочного суждения, однако фоновая информация позволяет интерпретировать и его в аксиологическом ключе. Если рабочие специально ездили к своему коллеге, чтобы поговорить о его образовании, значит, они видят в этом особый смысл. Они принимают на себя роль наставников молодого рабочего, которому нужно объяснить, какова современная ценностная картина мира, какое место в ней занимает образование. Восклицательная реплика „У меня одиннадцать!“ демонстрирует эмоциональную значимость для говорящего того обстоятельства, что у него есть полное среднее образование.

Рассмотрим ещё один пример. Диалог между молодым рабочим и его двоюродной сестрой записан в ситуации непринужденного общения в семейном кругу.

Н.: Ребенку нужно дать воспитание // Я хочу / чтобы у него было лучшее образование / чтобы он не пошел как я скажем / учился плохо / чтобы в техникум идти поступать // Буду его заставляя / чтобы он учился // Сдавал всё

Ю.: Ты готов платить?

Н.: Я хочу чтобы ребенок мне / на пятьдесят пять лет купил бы мне машину

Ю.: (удивленно) О-о-о!

(Смеются)

Ю.: Эт хорошая мечта! (смеются)

Н.: Вот // Я хочу просто / не то что хочу // Я просто хочу / чтобы ребенок у меня / скажем так/ не как вот я / грубо говоря / в восемнадцать лет пошел работать / вкалывал вкалывал вкалывал // Нет / я хочу / чтобы он пошел на производство или куда-то работать/ но чтобы он был с высшим образованием / нормальным / зарекомендовавшим себя / как-то так / не с бухты барахты // Не так как я / в бухты барахты // Конечно мне охота чтобы он был менеджером / просто менеджером // Но кто такой менеджер? // Это тьфу блин // шас вон каждый второй менеджер // Эти менеджеры так/ фигня полная // Вот такая вот системка // Охота конечно / охота // Ну будем искать / будем <неразб.> (смеется) // [Вепрева 2015: 46].

Данный диалог наполнен прямыми сигналами вербализации ценностных смыслов. Прежде всего на себя обращают внимание высказывания-директивы и комиссивы. Приобретающие особую значимость социальные нормы, определяющие стратегию поведения молодого рабочего по отношению к своему ребенку, вербализуются с помощью высказываний с модальными значениями долженствования и желательности. Слова *надо, хочу, охота* могут быть использованы как маркеры для поиска ценностных смыслов. Очевидно, что молодому отцу важно, чтобы сын получил хорошее воспитание и образование, и он готов применить определенные методы воздействия, для того чтобы внушить ребенку мысль, что учиться необходимо („Ребенку нужно дать воспитание // Я хочу / чтобы у него было лучшее образование / чтобы он не пошел как я скажем / учился плохо / чтобы в техникум идти поступать// Буду его заставлять / чтобы он учился // Сдавал всё“). Однако развитие разговора показывает, что у рабочего противоречивое представление о том, для чего нужно хорошее образование. С одной стороны, для него как типичного представителя уральского рабочего класса характерна гордость за свой труд, который связан с тяжелым производством, и он хотел бы для своего сына того же места работы. С другой стороны, он хочет для своего ребенка более легкой трудовой карьеры. Показательно, что в соседних высказываниях комиссивного и экспрессивного характера содержатся прямо противоположные ценностные смыслы: „Конечно мне охота чтобы он был менеджером / просто менеджером // Но кто такой менеджер?// Это тьфу блин // шас вон каждый второй менеджер // Эти менеджеры так/ фигня полная“. Подобные высказывания демонстрируют некоторые изменения в ценностной картине мира уральского рабочего, для которого тяжелый труд всегда был почетной миссией. Показательно и то, что образование воспринимается говорящим как то, что может обеспечить материальный достаток („Я хочу чтобы ребенок мне / на пятьдесят пять лет купил бы мне машину“). Эта позиция поддерживается и собеседником в высказывании-экспрессиве („Эт хорошая мечта!“). Характерная для советского времени ценностная установка на бескорыстный труд, отказ от материальных излишеств уходит в прошлое. Современный уральский рабочий хочет видеть реальный результат своего труда, хочет понимать, что вложенные в образование деньги окупятся.

Исследование живой разговорной речи позволяет диагностировать стабильность или вариативность ценностной картины мира современного российского общества. Ориентация на такие речевые акты, как директивы, комиссивы, экспрессивы, позволяет оперативнее вычленять аксиологические смыслы, заложенные в речевом материале, однако иг-

норировать репрезентативы также не стоит. Их анализ показывает, что аксиологически насыщенным может стать практически любой фрагмент разговорного текста.

Библиография

- Вепрева И. Т. (ред.) 2015. *Национальные базовые ценности и их динамика: результаты социолингвистического мониторинга*, Екатеринбург: Ажур.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. 1981. *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*, Москва: Наука.
- Лаптева О. А. 1976. *Русская разговорный синтаксис*, Москва: Наука.
- Матвеева Т. В. 2017. О культурно-ценностном комментарии разговорного текста, [в:] Ю. Н. Михайлова (ред.), *Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Тезисы докладов Второго международного научного семинара*, Екатеринбург: Ажур, с. 272–279.
- Пикулева Ю. Б. 2017. Высказывания с модальным значением долженствования: лингвоаксиологическая интерпретация, [в:] Ю. Н. Михайлова (ред.), *Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Тезисы докладов Второго международного научного семинара*, Екатеринбург: Ажур, с. 35–36.
- Серль Джон Р. 1986. *Классификация иллокутивных актов*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 17: *Теория речевых актов*, Москва: Прогресс, с. 170–194.
- Сиротинина О. Б. 1974. *Современная разговорная речь и ее особенности*, Москва: Знание.
- Трофимова Н. А. 2008. *Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ*, Санкт-Петербург: Изд-во ВВМ.
- Шалина И. В. (сост.) 2001. *Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия*, Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Шалина И. В., Пикулева Ю. Б. 2016. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры), „Научный диалог”, № 11 (59), с. 121–132.
- Шведова Н.Ю. 1960. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Москва: Изд-во Академии Наук СССР.

